

∞ ПРОЛОГ ∞

Чикаго — октябрь 1893

Каблук моего кожаного сапога проткнул дыру размером с ладонь в подоле моего платья, когда я заворачивала за угол. Звук шагов, преследующий меня, затих на мгновение и тут же раздался снова; шаги ускорились. Я свернула в очередной коридор, молча проклиная иконы стиля 1890-х. Будь я в своих привычных шортах и футболке, давно бы уже была за пределами этого несчастного отеля. Крепкий удар по голове лишил бы сознания доктора, и моя шея не горела бы от боли.

Я бросилась через коридор и свернула налево, надеясь, что доктор решит, будто я выбрала более легкий путь — направо. Через три двери я решила потянуть за одну из ручек и проверить, не поддастся ли она. Безуспешно. Я прижалась к двери как можно сильнее и вытащила медальон. Его сердцевина светилась, окружая меня мягким голубым сиянием. И хотя я знала, что он не сможет *увидеть* свет, чувство, что меня вот-вот разоблачат, не покидало. Сколько женщин за последний год он заманил в этот лабиринт из коридоров? Остался ли кто-нибудь из них в живых?

Бледный, желтоватый свет его фонаря проскользнул в противоположном конце коридора и затем снова появился, когда доктор развернулся, направляясь прямо ко мне. Я пыталась унять дрожь в руках, чтобы сосредоточиться на медальоне для вызова интерфейса,

но это было нелегко, сердце колотилось, шею жгло от кислоты.

Дисплей навигации коротко помигал и отключился. Я подавила нарастающую волну паники и собиралась попробовать снова, когда дверь за спиной открылась и я провалилась в комнату. Чья-то рука накрыла рот, удерживая крик прежде, чем он успел сорваться с губ. А затем и другая рука, в которой была сложенная белая ткань, потянулась ко мне.

Все в этот момент встало на свои места. Ужасы внутри этого отеля были делом рук не одного безумного человека. У доктора Генри Холмса, очевидно, был сообщник. И из-за ХРОНОСа и этого дурацкого медальона я попала прямо в их лапы.

∞ 1 ∞

Я не требовательна к порядку и чистоте. Все, кто в этом сомневается, могут порыться в моем рюкзаке, где вы с большой вероятностью найдете недоеденную шоколадку, что пролежала там с самой Айовы — штата, из которого мы уехали почти год назад. После детского сада я пять раз меняла школу. Я провожу половину каждой недели с мамой, а другую — с папой, в доме которого сплю на диване и делю с ним до смешного крохотную ванную комнату. У меня не большие запросы. Я могу *справляться* с хаосом.

Но есть вещи, в которых должен быть порядок. Обувь надевается *после* носков. Арахисовое масло нужно мазать *после* того, как хлеб выпрыгнет из тостера, не раньше. И внуки рождаются *после* своих бабушек и дедушек.

Большинство людей не задумываются о последнем. Я точно не делала этого — по крайней мере до того, как бабушка не появилась в моей жизни в прошлом апреле. Из-за того, что этот маленький элемент вышел из строя, вся моя жизнь изменилась. И здесь я не преувеличиваю. Полное стирание твоего существования определенно должно квалифицироваться как событие, изменившее жизнь.

До внезапного появления моей бабушки я не видела ее более десяти лет. В старом альбоме была пара пожелтевших фотографий, на которых мы были за-

печатлены вместе, но для меня она была всего лишь человеком, отправляющим деньги на дни рождения и Рождество. И человеком, который не нравился моей маме.

— Вот, *всегда* так, — сказала мама, выходя из метро, — мать врывается в город и требует внимания. И не важно, что у нас могли быть другие планы.

У меня не было других планов, и я была уверена, что у мамы тоже. Но я понимала, что дело было не в этом.

Навстречу подул слабый ветерок, как только эскалатор поднял нас наверх, к улице, и мы ступили на Висконсин-авеню. Мама вытянула руку, пытаясь поймать такси, но машина остановилась возле другого пассажира.

— Ресторан всего в нескольких кварталах, — сказала я, — мы могли бы быть там уже к...

— Ноги болят из-за этих каблучков, — она оглянулась, но, заметив, что поблизости не осталось свободных такси, сдалась. — Хорошо, Кейт, мы пойдем пешком.

— Зачем ты вообще купила эту обувь? Мне казалось, тебе нет дела до ее мнения.

Она бросила на меня хмурый взгляд и пошла по тротуару.

— Не могли бы мы отложить этот разговор, пожалуйста? Не хочу опоздать.

Я правда не хотела выводить ее из себя. Обычно мы хорошо ладим. Но, когда дело касается ее *собственной* матери, мама безрассудна. Чеки на дни рождения и Рождество, что я упомянула ранее, идут прямым ходом в копилку со сбережениями на колледж, несмотря на то что мама обычно говорит, что я сама должна уметь верно распоряжаться деньгами и нести ответственность за последствия.

Прошлым вечером она говорила со своей матерью более пяти минут — что уже было рекордом, по крайней

мере, на моей памяти. Я слышала только слова мамы, но все же смогла составить полную картину. Бабушка вернулась из Европы, она болела и хотела повидаться с нами. Мама возражала, но в конце концов сдалась. Затем переговоры перешли к логистике — местоположение (нейтральная территория), кухня (вегетарианская), время встречи (половина восьмого) и прочее.

Мы добрались до ресторана на добрых десять минут раньше. Это было модное вегетарианское место с большими картинами овощей на фасаде, они напомнили мне иллюстрации в одной из папиных изрядно потрепанных кулинарных книг. Мама вздохнула с облегчением, когда мы вошли и она смогла убедиться, что мы пришли раньше бабушки.

Я устроилась на стуле у барной стойки. Молодой бариста, смешивающий напитки и смузи, был довольно милым, в эстетическо-меланхоличном смысле. У него были длинные волосы, собранные в конский хвост. Даже если он и был *немного* староват для меня, все же было на что посмотреть, пока они спорили.

Несколькими минутами позже подошла бабушка, и она выглядела совсем не так, как я ожидала. Во-первых, она казалась миниатюрнее, чем на фотографиях, — моего роста или даже чуть ниже. Ее седые волосы были отстрижены почти под корень. Одета бабушка была кое-как: в тунику с броским принтом и черные вязаные штаны, которые выглядели, подумала я с завистью, намного удобнее того, во что меня заставили одеться. И она не выглядела нездоровой. Только немного уставшей, наверное. И никакой болезненности.

Мама, очевидно, думала о том же:

— Здравствуй, мама. Ты выглядишь *удивительно* хорошо.

— Не ругайся на меня, Дебора. Я не говорила, что собираюсь умереть к концу этой недели, — ее слова

были адресованы маме, но она смотрела прямо на меня. — Мне нужно было увидеть тебя и нужно было увидеть мою внучку, уже такую взрослую и красивую. Школьные фотографии не смогли передать твою красоту в полной мере, дорогая, — она отодвинула стул, чтобы присесть. — Я довольно голодна, Кейт. Еда здесь хорошая?

Я была так уверена, что она будет звать меня Пруденс, что не сразу ответила на вопрос.

— Неплохая, — отозвалась я. — Приличные сэндвичи, и не *все* вегетарианское. Рыба ничего. Десерты хороши.

Она улыбнулась, положив сумочку на соседнее пустое кресло. Вынула ключи, положила их на стол, рядом с салфеткой. На кольце были два совершенно обычных ключа и один совершенно *необычный* медальон. Он был тонким, диаметром примерно в семь сантиметров, и излучал свет, так что казался необычайно ярким в темной комнате. Он освещал заднюю сторону меню, что держала мама, и я видела крошечные синие точки, отраженные в столовом серебре. Этот свет напомнил мне об ожерелье из светящейся трубочки, что я выиграла на ярмарке в Монтгомери несколько месяцев назад, но этот свет был намного ярче и намного причудливей. В самом центре украшения находились песочные часы. Песок пересыпался из одной части в другую, несмотря на то что медальон ровно лежал на столе.

Мама либо не замечала этот странный объект, что казалось невозможным, либо просто игнорировала его. Если она его игнорировала, то последнее, что я хотела бы сделать, это подлить масла в огонь между ними, пытаясь привлечь ее внимание. Я решила последовать ее примеру по крайней мере в этот раз. Когда я вернулась к меню, то заметила, что бабушка наблюдала за моей реакцией и мягко улыбалась. Выражение

ее лица было сложно прочитать, но мне казалось, она почувствовала... *облегчение*.

Сначала все пытались поддерживать ничего не значащий разговор. Погода и еда были относительно безопасными темами, но их мы изучили вдоль и поперек за первые десять минут.

— Как тебе Браяр Хилл? — спросила бабушка.

Я с энтузиазмом погрузилась в новую тему, ощущая еще одну безопасную зону.

— Очень нравится. Учиться немного сложнее, чем в моих прошлых школах. Я рада, что папа устроился на работу.

В моей новой школе очень щедрая политика, которая предоставляет бесплатное обучение детям учителей. Они даже предлагают маленькие коттеджи для членов педагогического состава, которые хотят жить в кампусе, и именно я занимаю папину раскладушку три или четыре дня в неделю. Матрас комковатый, железная перекладина давит, если придвинуться слишком близко к центру, но это определенно стоит перетерпеть, если в итоге получается выкрасть лишний час сна перед школой.

— Тебе действительно повезло, и Гарри сказал мне, что у тебя неплохо получается.

— Не знала, что вы с папой... общаетесь, — мне очень хотелось спросить, несмотря на то что этот разговор мог принять неприятный оборот, — поэтому ты называешь меня Кейт?

— Да, — сказала она. — А еще ты подписывала так открытки с благодарностями за подарки на твои дни рождения и Рождество последние несколько лет.

Кто бы сомневался. Я совсем забыла об этом.

— Мне жаль, если это ранит твои чувства. Мне правда очень жаль, но...

— С какой это стати мои чувства должны быть ранены? Даже сорок лет назад имя «Пруденс» было от-

вратительным, но я назвала твою маму, и мне казалось честным, если Джим назовет другую близняшку. Он назвал Пруденс в честь своей матери. Она была очень милой леди, но я все же считаю, что называть так маленькую беззащитную малышку было ужаснейшим упущением.

Мама, которая, конечно же, поступила со мной так же, когда я была маленькой беззащитной малышкой, молча приняла этот косвенный упрек, и моя бабушка продолжила:

— Я уверена, что имя «Пруденс» не подходит шестнадцатилетней девушке. И, должна признать, я польщена тем, что ты все же выбрала мое имя.

В этот момент я была полностью сбита с толку.

— Но мне казалось... разве тебя зовут не Пруденс?

Они засмеялись, и я почувствовала, как напряжение за столом чуть ослабло.

— Нет, ее тоже зовут *Кэтрин*, — сказала мама. — Пруденс была названа в честь матери моего отца, но ее вторым именем было Кэтрин, в честь *моей* матери. Поэтому ты тоже Пруденс Кэтрин. Я думала, ты знаешь об этом.

Я облегченно вздохнула. Весь день переживала о том, что, если я настою на имени Кейт вместо Пруденс, это может ранить чувства бабушки. Это имя было постоянным предметом спора между мной и мамой. Я даже хотела попросить официально сменить его, когда меня приняли в школу Браяр Хилл прошлой зимой, чтобы такой компромат не попался в руки моим потенциальным врагам. Но мамины глаза наливались слезами при малейшем упоминании этого имени, и мне пришлось сдаться. Когда тебя называют в честь тети, которая погибла в юности, выбор у тебя не большой.

Я отодвинула бесформенный кусок кабачка на край тарелки и бросила многозначительный взгляд на маму, прежде чем ответить:

— Я никогда раньше не слышала, чтобы кто-либо называл ее по имени, так откуда же мне было знать? Ты всегда зовешь ее «твоя бабушка».

Бабушка недовольно сморщила нос.

— Ты предпочитаешь, чтоб тебя называли бабулей? — поддразнила я ее, — или, может быть, бабушенькой?

Она вздрогнула:

— Нет, и уж *тем более* не то, что ты назвала последним. Как тебе «Кэтрин»? Мне никогда не нравились формальные титулы, и все остальные зовут меня просто Кэтрин.

Я кивнула, а мама бросила на меня укоризненный взгляд, вероятно, за то, что я сблизилась с врагом.

Официантка принесла маме еще мерло и наполнила наши бокалы. Я была удивлена тем, что она даже не взглянула на старый медальон, когда подошла к столу, такое ведь не каждый день увидишь. Свет от медальона превратил воду в наших бокалах в нежно-голубую, когда она полилась из кувшина. Я ожидала, что она хотя бы оглянется через плечо, когда отойдет, как обычно делают люди, если что-то привлекает их внимание и они не хотят выглядеть грубыми, уставившись на это сразу, или, как в этом случае, лишиться своих чаевых. Но она сразу же ушла на кухню, остановившись лишь раз, чтобы переброситься парой слов с тем Милым Парнем.

Мы уже почти доели первое, как я нечаянно наткнулась на очередную разговорную мину:

— А твой отель далеко отсюда? — спросила я, надеясь выпросить визит в какое-нибудь место с крытым бассейном и сауной.

— Я не останавливалась в отеле, — сказала Кэтрин. — Я купила дом. Недалеко от твоей школы, кстати.

Мама замерла, не донеся вилку с ризотто до рта:

— Ты... купила... дом.

— Да. Мы с Коннором жили в палатке некоторое время, но владельцы наконец-то съезжают, и теперь нам осталось только привести все в порядок. Гарри посоветовал мне очень хорошего риелтора.

— Гарри. — Мама сжала губы, и у меня возникло ощущение, что папа еще какое-то время будет в ее списке. Она продолжила, четко выговаривая каждое слово голосом, который использовался перед тем, как я попадала под домашний арест. — Значит, ты была в городе несколько недель, и ты не удосужилась позвонить *мне*, и, *более того*, ты позвонила моему бывшему мужу, который был так добр, что помог найти тебе риелтора. *И* держать это в секрете.

— Я не знала, как ты отреагируешь на мое решение, — сказала Кэтрин. — А Гарри меня любит. И я попросила его в качестве особого одолжения сдерживать все в секрете. Уверена, ему было нелегко. Скрытность не его сильная сторона. — Я мысленно согласилась с ней, папу во многих отношениях можно сравнить с широко открытой книгой.

— Хорошо. Итак, ты купила дом, — мама отложила вилку с недоеденным ризотто и отодвинула свой стул. Я переживала о том, что мы вот-вот уйдем со скандалом, но она продолжила: — Я иду в дамскую комнату. Когда я вернусь, надеюсь, ты сможешь рассказать мне о том, кто такой Коннор.

Как только мама отошла достаточно далеко, Кэтрин наклонилась, пододвигая ко мне голубой медальон.

— Они не видят его, дорогая. Точнее, они видят кулон, но не видят его так, как мы с тобой. Какого цвета свечение ты видишь? Это голубой, верно?

Я приподняла бровь:

— Ну, да, голубой.

— А вот у меня иначе. Я вижу нежный оттенок оранжевого. Почти как у сливочного мороженого со вкусом апельсина.

— Он голубой, — повторяю я. Я в жизни ничего яснее этого голубого цвета не видела.

Она пожала плечами:

— Я не знаю, как это работает. Но я знаю всего несколько десятков людей, которые могут *видеть* этот свет, и каждый из нас видит его немного по-разному.

Кэтрин замерла и оглянулась через плечо, чтобы проверить, не вернулась ли мама, перед тем как положить медальон в свою сумочку.

— Мы не можем говорить об этом сейчас, но тебе так много нужно узнать.

От настойчивого тона Кэтрин в моей голове зазвенели тревожные колокольчики. Но, прежде чем я успела спросить, что именно, по ее мнению, мне нужно знать, она схватила меня за руку, зажав ее между своими ладонями:

— Но я хочу, чтобы ты знала кое-что, Кейт. Это *не* были панические атаки.

Я моргнула, пораженная тем, что она знала про те два случая, которые так сильно потрясли меня. Социальный педагог, к которому мама отвела меня в феврале сразу после второго случая, назвала их паническими атаками, вероятно, спровоцированными сменой школы в середине учебного года. Я не могла понять этого. Если у меня и были панические атаки, то только в те пять месяцев, что я была в старшей школе Рузвельта, где мне приходилось привыкать к металлоискателям и охране после двух лет в сонной, глухой Айове, но и здесь, вероятно, панические атаки были бы причиной обыкновенной скуки.

Оба раза меня охватывало внезапное и сильное чувство того, что что-то было очень, катастрофически не в порядке, но я не могла понять, что именно. Все мое тело поддавалось реакции «бей или беги», сердце колотилось, руки дрожали, и все вокруг казалось *иллюзией*. Во время последней атаки я выбежала из класса